

Хорошо, когда родина...
Звездной ночью такой
Пахнет влажной смородиной,
Пахнет теплой рекой.

Свет луны облепиховый,
Дым костра — до звезды,
Пахнет деревом-пихтою,
Ощущеньем беды,

Что скрывается бережно
В темной гуще хвои...
Губы жаркие грешные
И твои, и мои.

О, глаза полуночные!
Нам природа — не суд.
Все свидетели очные
Нас поймут и спасут —

И река говорящая,
И луна, и ветла,
И сова, шелестящая
В два мохнатых крыла.

* * *

Обряжали коней в золоченые сбруи,
Шли стада молчаливо в закатной пыли,
И Алея реки говорливые струи
Все куда-то на север текли и текли...

Мне казалось — не кончится это вовеки:
Повитель на плетнях, таганы и огни,
И Великой войны дорогие калеки
С рукавами, заправленными за ремни.

Темный цвет орденов, позолота шевронов,
Голенищ до сверканья начищенный хром,
И размеренный стук проходящих вагонов,
Под завязку заполненных нашим зерном.

Мы зерно не жалели, как будто не наше,
И стада не считали — не наше опять...
Жаль, закатов таких не увижу я краше,
И таких позолот мне уже не сыскать.

Только помнить коней самодельные сбруи,
Голосов переборы, шуршанье обнов,
И Алея реки говорливые струи,
И спокойно-увесистый блеск орденов.

Как жилось нам тогда и красиво, и сладко
Посредине страны, посредине земли!..
Выходила на круг и играла двухрядка,
И мы пели, поскольку не петть не могли.

* * *

Россия... Выйди, стань и плачь.
Гусиный стон ли, журавлиный,
Такой простор, такой орлиный!
Густой настой земли целинной,
И табуны несутся вскачь.

Летят, летят во весь опор,
Разметаны хвосты и гривы,
И шаловливы, и игривы,
И черные глаза, как сливы,
И седел нет, и нету шпор.

И не грохочет сталь узды,
Лишь морды на зарю раскрыты,
И смят ковыль, и земли взрыты,

И даль крошат, крошат копыта,
И прах вздымают до звезды.

И подступает спазм к очам:
Когда б и нам ветра шальные,
Когда б не удила стальные,
Не шпоры, не бока больные,
Не затхлость стойла по ночам...

КОНЬ

...И рухнул ты,
На розовом снегу
Здрав копыта и откинув морду,
И я уже до смерти не смогу
Забыть твою монгольскую породу.
Какая стать!
Каких степных кровей!
Набраться ты успел роскошной силы
В каких краях?
Тебе — что суховей,
Что — снеговой, что — холода Сибири...
Прекрасен ход...
Крошится тяжкий наст...
Рвут цепи кобели, срывая клетки...
Такое завораживает нас
Однажды в детстве и до самой смерти
Удерживает будто на вожже,
Затем, чтобы, храня осколки боли,
Ты помнил тот рассвет и на меже
Лежащего коня в январском поле,
Отброшенную в сторону дугу,
Подков мерцанье синее стальное,
И мертвый колокольчик на снегу,
И на сто верст дыханье ледяное...

* * *

Я не верю в судьбу, не пытаю судьбу.
Вот еще один год — словно сажа в трубу!
Это кто ж кочергою там угли ширяет?
Распахнул поддувало, а тяга сильна!
Из трубы в черном космосе дырка видна:
Не в нее ли однажды душа отлетает?

Бросит грешное тело, как житель избу,
Пролетит вместе с хлопьями сажи в трубу,
И, наверно, испачкает саван Господний.

И к созвездию Рака, поскольку я — Рак,
Поспешит, огорчаясь: «Ах, парень-дурак,
Сдох бы раньше, дорога была бы свободней.

А теперь сколько их — Близнецы да Тельцы...
Жили-были — и вот обрубили концы...»
Я не верю, что души цепляют друг друга.
Я не верю, что тесно в космической мгле:
Космос — это простор, это не на земле,
Где мы вброшены в круг — и не выйти из круга.

Я не верю в судьбу, я ее не молю,
Я ножовкою обруч мой ржавый пилю
Да смотрю на песок и листки обрываю.
И на мир, что во мне, предъявляя права,
Я пишу на стене золотые слова
И строку самогоном крутым запиваю...

Ой ты, Боже еси, призови и спроси:
Сумасшедшие есть ли еще на Руси?..
Я отвечу, что есть, потому что я знаю.
Потому что я вижу — в таком же окне
Тусклый свет, значит, кто-то и там на стене
Пишет слово и пропасть обходит по краю.

Да случится!
И станет, и будет спасен,
А не просто летучим песком занесен,
И другой, и еще, и совсем неизвестный.
Значит, тем и живем, значит, и потому,
Раздвигая руками тяжелую тьму,
Мы однажды пройдем над грядущею бездной.

* * *

Поездная тоска. Ни рукой, ни ногой...
Выгибается поезд гремющей дугой!
Наплывают поля, уплывают поля.
Чернозема пласты, ястреба, гололя...
Вот скажи: где такое увидишь еще!
Да нигде. Да ни в жизнь. Ни в какие века!
Чернозем... Ястреба... Тополя... Воронье...
Лебединая песнь! Золотая строка!
Поезд порет пространство на тряпки, как холст.
Убегают колосья за край ковылей.
Мне любить эту жизнь до разлуки, до звезд,
До последней великой печали моей.
От сарматских времен — золоченая Русь!
Я вдыхаю простор, задохнуться боюсь.

Ветер пахнет медово, горячий, густой,
Вышибает слезу и, кружась над верстой,
Тучи гонит на запад.
А мне — на восток!
Размотайте, колеса, сомнений моток
Между небом и твердью, средь этой красы
В две веселых блестящих стальных полосы,
Чтоб душа замирала, от воли пьяна,
И трезвела от счастья — какая страна!

* * *

Встало солнце над бугром,
Занялась изба костром,
Стекла в окнах полыхают золоченым серебром.

Здравствуй, утро! Я живой!
Синева над головой.
Из-за речки вкусно пахнет свежескошенной травой.

В речке черти завелись...
Будет сена — завались!
Сено вытянет все жилы, хоть возьми и застрелись.

Я стреляться погожу,
Свежим сеном подышу,
Мне из радостей вселенских слаще нету куражу...

Вышла Елка из сеней,
Воздух светится над ней,
Мама вышла вслед — подойник полный, полного полней.

Солнце выше, сноп лучей
Горячей и горячей.
Я прислушаюсь — услышу звон серебряных ключей.

Бьет вода из родников!
Эта влага сто веков
Силой русскою питает нас, российских мужиков!

Мы такие. Нас не трожь!
Если что — пойдем на нож,
Лишь бы только колосилась в нашем поле наша рожь.

Новый день идет-звенит.
Солнце падает в зенит.
Проживу сто лет, не меньше, тем и стану знаменит.

ЗАЙЧИХА

Весна... Такое половодье!
Бери, Мазай, свое весло —
Сегодня в заячьи уголья
Не бревна — льдину принесло!

Покачиваясь в тальнике,
Большая ледяная глыба
Лежит, как мраморная рыба,
И санный след на плавнике.

И на спине ее, в снегах,
Зайчиха мечется косая,
Но лодки нет, и нет Мазая —
Есть я в болотных сапогах.

И ты, зайчиха, верь не верь,
Но после передай детишкам,
Что дед Мазай остался в книжке,
А за Мазая — я теперь!

Ее тревогу понимая,
По кочкам илистого дна
Я к ней бреду, а сам не знаю —
Поверит или нет она...

И возвратившись на сухое,
Смотрю, как, листьями шурша,
Среди вселенского разбоя
Бежит спасенная душа.

* * *

Кольцо в дуге — и ехать бы, катиться!..
Сорочья гроздь висит на городьбе.
Тяжи как струны. Обод серебрится.
И самосадам тянет по губе.

В три колеи бежит в степи дорога.
Густой бурьян у каждого столба.
И никого — ни дьявола, ни Бога,
Цветет полынь да кружат ястреба;

Да суслик в рыжей крапчатой накидке,
Да тучи край лилов и языкат,
Да ковылей развернутые свитки —
С холма на холм — с востока на закат!

И жажда знать: а что за той чертою,
Такой далекой и такой прямой?..
Судьба, судьба, какой шальной верстою
Закружишь и назад вернешь, домой.

Да и вернешь ли?.. А вокруг и в небе
Такая тишина, что слышен зной.
Горбовский Глеб (что знаю я о Глебе?)
В стихах такой же бредил тишиной.

Она была ему необходима.
Она и мне необходима тож,
Чтоб никого, чтоб злые ветры — мимо,
Чтоб конь шагал и колосилась рожь.